

Проблемные вопросы ленинградской блокады

Три вопроса, касающиеся ленинградской блокады, стали темой моих многолетних исследований. В поисках ответов у меня родились несколько книг. Это переводы и авторские произведения.

Вопрос первый: Кто воевал под Ленинградом со стороны противника: фашисты или немцы?

Генеральный консул Германии в Санкт-Петербурге Дитер Боден однажды сказал так: «Здесь воевали немцы, фашисты были в Берлине». С ним можно не соглашаться, все-таки он сам немец.

Но с ним солидарна ленинградская женщина, потерявшая в блокаду своего младенца и сама чудом спасшаяся от голода: „Ну, какая к этим солдатам может быть ненависть? Они простые люди, и тоже погибали на войне. Ну, что с них взять? Они такие же работяги, как и мы. Просто их гнали на фронт“.

К мнению этой женщины, хочешь не хочешь, а придется прислушаться. В первую очередь потому, что ее слова приводит президент России Владимир Путин. Это слова его матери. Далее Путин продолжает: «Это поразительно. Мы воспитывались на советских книгах, фильмах... И ненавидели. А вот у нее этого почему-то совсем не было. И ее слова я очень хорошо запомнил»¹.

Мне эта позиция близка. Именно поэтому я взялся за перевод книги немецкого писателя Арно Зурмински «Отечество без отцов». В 2010 году она вышла в издательстве «Центрполиграф» с предисловием Даниила Гранина. В нем он отмечает: «Этот роман для русского читателя близок и понятен. По-разному, но обе стороны - жертвы навязанной нам войны».

¹ Интервью для журнала «Русский пионер».30.4.2015.

Меня очень обрадовало, что на переведенный роман «Отечество без отцов» стали поступать отклики. Вот один из них, который тесно перекликается со словами матери Владимира Путина. Распространила его в Интернете девушка из XXI века:

«Очень тяжело было читать эту книгу. Очень больно. Очень по-настоящему. Потому что из усвоенного с детства безликого слова «фашисты» вдруг проступили живые Роберт Розен, Вальтер Пуш и Гейнц Годевинд. А ещё Ильзе и Эрика. И стало понятнее, что им, простым людям той войны, было почти так же, как и нам. Больно, обидно, непонятно и страшно.

Мне было, пожалуй, очень нужно прочитать эту книгу. Чтобы задуматься и сделать шаг к тому, что однозначно хорошо или однозначно плохо не бывает; всегда за ярлыками стоят живые люди, которые почти такие же, как мы...

Нет, я не простила и не забыла ужасов той войны. Но я увидела её немножечко с другой стороны.

Спасибо за это автору.

20 мая 2013 года»

Вопрос второй: Почему немецкому командованию не удалось овладеть Ленинградом?

На международной конференции «Блокада Ленинграда: спорное и бесспорное» в сентябре 2007 года в Санкт-Петербурге писатель Даниил Гранин озадачил присутствовавших необычным заявлением. Он сказал: «Мне непонятно, почему немцы не вошли в город осенью 1941 года, когда, казалось бы, всё было готово для этого? Во второй декаде сентября город был совершенно открыт для вторжения немцев. 17 сентября, будучи солдатом-ополченцем, я был послан в город, прошёл от передовой у Шушар рядом с Пушкиным почти до центра Ленинграда, не встречая никаких кордонов и патрулей. Проснувшись на следующий день, был в полной уверенности, что немцы уже вошли в город».

На той же конференции я постарался ответить на вопрос писателя. Мой ответ звучал так: «Не было приказа немецким войскам брать Ленинград. Был другой приказ: «Блокировать город и ждать капитуляции».

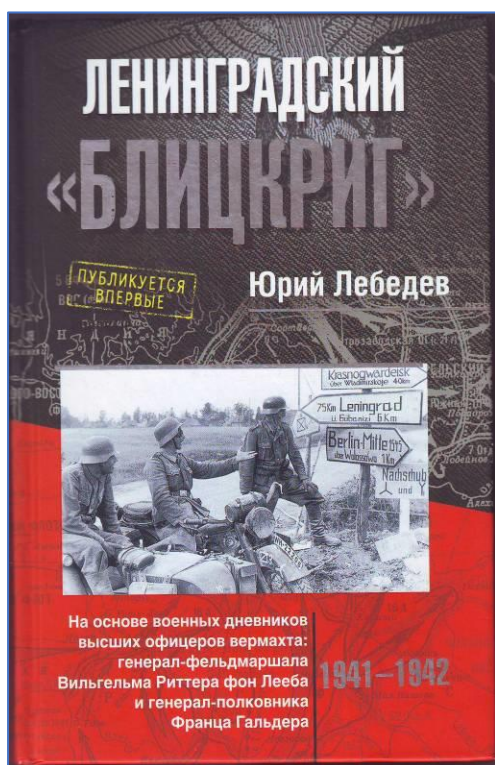
Здесь необходимо небольшое отступление. Дело в том, что бывшие солдаты вермахта, приезжавшие в Санкт-Петербург в начале 90-х годов, оставляли мне истории своих дивизий и воспоминания. Накопилось много документов. Но главное, зародилось сомнение: все ли правильно в советской блокадной историографии? Кое-что я перевел из немецких источников и

показал ведущим питерским историкам. Кто-то выразил заинтересованность в новых материалах, кто-то стал резко защищать советскую точку зрения. А она была такой: «Мы не позволили врагу штурмом захватить Ленинград». В доказательство мне приводили дневники начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Франца Гальдера. Действительно, в них неоднократно повторялась мысль о необходимости захвата Ленинграда. Гальдеру при всем желании никто не смог бы возразить. Его хроника Второй мировой войны считается ценнейшим архивным источником. Я уже не знал, что делать. На помощь пришел мудрый петербургский историк Валентин Михайлович Ковальчук. Он посоветовал мне, как специалисту немецкого языка, ознакомиться с оригиналом источника.

В Библиотеке академии наук мне удалось найти 3-й том дневника Гальдера на немецком языке, где прослеживаются боевые действия на Восточном фронте. После этого все встало на место. Стало где-то даже обидно. Не только за себя, а и за сотни тысяч одураченных советских людей, да и нынешних российских граждан. Оказалось, что термин «захват» был искусственно вставлен цензорами в русскую редакцию дневника Гальдера. На самом деле тот ни разу это слово не употреблял, притом делал это сознательно. Напротив, Гальдер, видя постоянно возрастающее сопротивление советских войск, стал внушать Гитлеру мысль о блокировании Ленинграда. Это ему удалось, и 5 сентября Ленинград был объявлен второстепенным театром военных действий. Предстояло окружить его тесным кольцом и ждать, когда советские власти вывесят белый флаг.

После сентябрьской конференции 2007 года мы с Даниилом Александровичем совместно продолжили исследование этой темы. Выступали, писали статьи, появились и книги. У Гранина в новой редакции вышла «Блокадная книга», с большим интересом читатели восприняли его новые повести и романы: «Заговор», «Все было не совсем так», «Мой лейтенант». У меня тоже появилось несколько работ. Вышла книга «Ленинградский блицкриг», где полностью приведен дневник командующего группой армий «Север» фельдмаршала фон Лееба и дан корректный перевод записей Гальдера, касающихся действий немецких войск под Ленинградом.

Моим исследованиям этого вопроса по существу подвел итог адъютант фельдмаршала фон Лееба барон фон Грисенбек. В его

дневнике обнаружилась такая запись: «Захвату города, который охранялся лишь слабыми силами, препятствовал приказ свыше, согласно которому были отведены семь дивизий с целью их дальнейшей переброски на Москву. Предостережение Лееба, высказанное им в личной беседе с Гитлером, что таким образом не будут взяты ни Москва, ни Санкт-Петербург, подтвердилось».

Вопрос третий: **Какая судьба ждала Ленинград в случае его захвата?**

На этот вопрос советские историки отвечали однозначно: «Немцы выполнили бы приказ Гитлера и сровняли город с землей». Многие современники до сих пор думают так же.

У меня другое мнение на этот счёт. Оно изложено в книге «Уходящие в вечность», вышедшей в серии «Писатели на войне, писатели о войне» в 2015 году в издательстве «Петроцентр». В ней я привожу выдержки из переведенной мною книги немецкого писателя Хассо Стахова «Трагедия на Неве». В архиве вермахта, что находится в городе Фрайбург, он обнаружил целый ряд документов, «регламентирующих немецкий порядок в оккупированном Ленинграде». Оказывается, ещё в июле 1941 года командование 18-й армии разработало планы действий в захваченном Ленинграде. Они были связаны с контролем, эксплуатацией, управлением, работой заводов и других

учреждений, а также со снабжением. Было продумано, кто будет распоряжаться городским имуществом, какие войска необходимы для патрульной службы и организации безопасности, что делать с пленными и заложниками, где должны быть созданы лагеря для пленных.

Как и положено в таких случаях, всё было спланировано до мелочей. Это касалось сдачи оружия и сапёрного имущества, автомобилей и лошадей, произведений искусства, сырья и благородных металлов, имущества архивов, библиотек, больниц, электростанций и заводов. Учтено было буквально всё, включая количество фуража при сдаче скота, количество бензина для заполнения ёмкостей конфискованных автомобилей. Проработаны были вопросы о системе разделения города на районы, о пропускной системе при переходе из одного района в другой, о постоянном контроле над дорогами внутри города. Решено было, кто станет заботиться о подаче тока в случае

выхода из строя центральной городской электростанции, какие телефонные и телеграфные станции и с каким персоналом должны будут продолжать свою работу, кто будет заботиться о снегоуборочной и дорожно-строительной технике, кто будет отвечать за разминирование взрывоопасных предметов и их ликвидацию.

Когда я переводил эту страницу из «Трагедии на Неве», то возникло сильное желание ознакомиться с архивными немецкими документами применительно к каждому из указанных пунктов. Особенно зацепила фраза относительно привлечения снегоуборочной техники. Речь ведь шла не о лопатах и скребках и других подручных средствах, а о машинах для уборки снега. Получалась так, что немцы еще летом 1941 года продумывали, откуда будут завозить эту технику в захваченный ими Ленинград. Следуя логике, эта техника могла завозиться из Баварии, где в горных районах снега в избытке, или из Австрии, а, может быть, из оккупированной Норвегии? Но тут же возник другой вопрос: а как же это сочеталось с желанием Гитлера сровнять город с землей?

Среди документов Фрайбургского архива, помещённых в книге «Трагедия на Неве», имеется один поистине уникальный. Это проект пропуска для передвижения по Ленинграду его жителей в уже оккупированном немцами городе. В нем указываются данные предъявителя, включая его адрес, национальность и внешние характеристики, а также право на свободное передвижение внутри городских районов Петербурга. Месяца там нет, только год. Но какой – 1941! По существу, это ещё один ответ на вопрос, что собиралось делать командование группы армий «Север» с Ленинградом после его захвата осенью 1941 года. Капитуляция города, но никак не разрушение, являлась целью немецкой армии. Зачем немцам нужно было его разрушать, ведь личному составу предстояло в нём жить? Зачем рубить сук, на котором придётся сидеть, да тем более ещё в преддверии зимы?

После ознакомления с немецкими источниками вопросов меньше не стало. Напротив, появились новые. Как, к примеру, воспринимать мнение главы Восточного министерства Германии А. Розенберга относительно судьбы Ленинграда, который полагал, что его следует превратить подобно Данцигу (Гданьск) в свободный город?

Или как относиться к высказыванию ближайшего военного советника Гитлера фельдмаршала Кейтеля? Ещё в конце августа 1941 года Кейтель недвусмысленно выразился, что «не следует кормить население Ленинграда в случае его захвата, его необходимо заставить уйти оттуда». Теоретически он не исключал варианта эвакуации женщин и детей из сдавшегося Ленинграда по специально сделанным проходам вдоль Ладожского озера на восток, на советскую территорию. Но особых надежд на это не возлагал, понимая, что

Сталин на подобный шаг не согласится. Гражданские люди для Сталина мало что значили, ему важнее была армия.

Не исключено, что Ленинград мог бы стать разменной монетой в возможных переговорах с третьими странами и через них с членами антигитлеровской коалиции. Во всяком случае, 21 сентября Отдел обороны страны штаба оперативного руководства ОКВ под управлением генерала Варлимонта представил Гитлеру предложения, касающиеся дальнейшей судьбы Ленинграда. Один из пунктов предполагал эвакуацию жителей Ленинграда после капитуляции города в Америку на кораблях под опекой международного Красного Креста. Варлимонт, правда, тут же называл это предложение нереальным, но эффективным в пропагандистском плане.

Что касается угрозы Гитлера сровнять Ленинград с землей, то она, к счастью, оказалась несбыточной. На Нюрнбергском процессе командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб подтвердил это, заявив, что у него забрали почти всю дальнобойную артиллерию, лишили танков и авиации, которые перебросили на Москву.

Главным оружием немецких войск стал голод.

Юрий Лебедев
январь 2017 года

P.S. Если кому-то захочется прочитать книги, обложки которых помещены в этой статье, то их можно приобрести в книжных магазинах, или скачать из Интернета.